

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ЛАТГАЛЬСКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЛАТВИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

С. Вайшля

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Латгальцы — этническая группа в Латвии, характеризующаяся крайне неопределенным статусом. В публичном дискурсе присутствуют два противоположных по смыслу нарратива, по-разному конструирующих этнополитический статус латгальцев и их историческую память. Первый отражает официальную позицию латвийского государства и основан на непризнании латгальцев как самостоятельной этнической группы, трактовке латгальского языка как варианта латышского и исторической отсылке к Латгальскому конгрессу 1917 г., объединившему Латвию. Противоположный нарратив утверждает историко-культурную автономию латгальцев и самостоятельность латгальского языка, опираясь на историю борьбы за политическую автономию Латгалии и историческую память дискриминации со стороны в том числе латышского большинства. В статье анализируются фундаментальные факторы, способствующие неустранимой неопределенности в конструировании латгальской идентичности, и неосуществимость обоих политических нарративов. Показана ограниченность и недостаточность логики постколониальной теории, которая регулярно используется для характеристики этнополитических процессов на постсоветском пространстве, и в частности в Латвии. Сделан вывод, что фундаментальные факторы неопределенности латгальской идентичности, усиленные действием евроинтеграционных процессов, препятствуют возможности политической мобилизации, основанной как на националистической государственной политике, так и на идее латгальской этнополитической автономии.

Ключевые слова: латгальцы, латгальский язык, Латвия, этнополитика, политика идентичности, историческая память, постколониальная теория.

ВВЕДЕНИЕ

Этнополитическая ситуация в странах бывшего СССР, в частности странах Балтии, рассматривается, как правило, с точки зрения отношений между национальным большинством и русскоязычным меньшинством, а также национальной политики в отношении последнего. Нередко этот анализ осуществляется в логике постколониальной теории, которая обращает внимание на восприятие общего советского прошлого политическим классом и гражданами как внутри новых государств, так и в России как политической наследнице СССР [Brubaker, 1996, p. 202; Nanovs, 2016, p. 133]. В соответствии с этой логикой бывшие национальные меньшинства, став в новых государствах большинством, пытаются сохранить и упрочить свое доминирующее положение, тогда как Россия (бывшая метрополия) стремится рассматривать новые государства как сферу сво-

их интересов, в том числе через политику поддержки и защиты русскоязычных меньшинств. Политические элиты новых государств, воспринимая угрозу со стороны бывшей «метрополии», проецируют ее на русскоязычное меньшинство, результатом чего становится националистическая и ассимиляционистская государственная национальная политика [Duina and Miani, 2015, p. 535].

Однако применение подобной логики к исследованию современных этнополитических процессов в странах региона может быть неполным как минимум по трем причинам. Во-первых, такой взгляд исходит из представления об этнических группах как четко оформленных политических субъектах, имеющих свои цели и интересы. Однако современная этнополитическая теория рассматривает более сложную картину социальных и социально-психологических механизмов конструирования этнических групп и их политизации. Во-вторых, этнополитическая ситуация не сводится к отношениям двух групп. И особенно это характерно для Латвии, которая имеет сложную этническую композицию, включающую латгальскую этническую группу — предмет радикально различающихся интерпретаций ее этнического статуса и положения в латвийском обществе. В-третьих, такой подход склонен игнорировать важные процессы европейской интеграции стран Балтии, которые являются самостоятельным фактором, структурирующим процессы формирования национальной идентичности и национальную политику.

Тем не менее элементы постколониальной логики могут присутствовать в восприятии и поведении политических элит и граждан стран Балтии и задавать общий контекст межэтнических отношений. В данной статье анализируются процессы формирования латгальской этнической идентичности в современном латвийском обществе и факторы ее политизации в контексте как национальной государственной политики, так и процессов европейской интеграции.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛАТГАЛЬСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

В современной этнополитической теории считается, что к пониманию этничности существует два противоположных подхода: примордиализм и инструментализм [Yang, 2000, p. 312; Jones, 1997, p. 185]. Согласно первому из них, границы этнических групп являются устойчивыми и объективными в силу либо биологических, либо культурных причин, а этническая принадлежность — однозначно определяемой и неизменной. Инструментализм, напротив, исходит из того, что границы этнических групп являются объектом и результатом политического процесса, отражая коллективные или индивидуальные стратегии поведения элит. Для современного этапа развития этнополитической теории характерны отказ от подобных крайних взглядов и поиск более интегрированных подходов, основанных преимущественно на принципах социального конструктивизма [Шаров, 2006, с. 59], согласно которым этнические группы конструируются в ходе социального взаимодействия. Этот процесс структурируется и ограничивается социально-когнитивными механизмами восприятия социального мира, а также совокупностью общественных норм и практик. Латгальская

этническая группа является ярким примером действия сложных механизмов социального конструирования этнической идентичности и подтверждением недостаточности логики постколониальной теории и других подходов, анализирующих межэтнические отношения в странах Балтии как отношения между четко оформленными этнополитическими группами.

Латгальцы — этническая группа, традиционно проживающая преимущественно в восточном регионе Латвии — Латгалии (Латгале). В настоящее время Латгале является одним из четырех историко-культурных регионов Латвии, перечисленных в Конституции, наряду с Видземе, Курземе и Земгале. Исторически формирование латгальской этнической группы принято связывать с балтским племенем латгалов, населявшим правое побережье Даугавы с XIII в. Развитие этого региона вначале проходило под влиянием соседства с Киевской Русью, а затем — Ливонского ордена, который способствовал распространению католицизма [Plakans, 2011, p. 64]. В XVII в. Латгалия оказалась в составе Речи Посполитой, в то время как остальная часть современной Латвии находилась под контролем сначала Швеции, а затем — Пруссии. Именно польский период принято связывать с формированием ключевых этнокультурных особенностей латгальцев — латгальского языка и католической религии. С 1772 г. Латгалия вошла в состав Псковской, а затем — Витебской губернии России. В XIX и начале XX в. территория современной Латвии находилась под влиянием России и Германии, а большая часть населения современных Видземе и Курземе называли себя балтийцами. Напротив, жители Латгалии называли себя латвисами, что стало основанием для утверждений ряда современных политических деятелей о том, что именно латгальцы являются ядром современной латвийской нации.

В ходе политических событий 1917–1918 гг. Латгалия оказалась в центре ожесточенных дискуссий. Политические силы во главе с Ф. Кемпом выдвинули идею Латгалии как самостоятельной республики в составе России, обосновывая это существованием латгальцев как особой этнокультурной группы. Этот проект, однако, остался нереализованным. Вместо этого в ходе Латгальского конгресса, состоявшегося в 1917 г. в Резекне, большинством голосов было признано, что Латгалия, Видземе и Курземе должны объединиться в государстве Латвия, в котором Латгалии следует предоставить автономию. В ходе краткого периода независимости Латвии (1918–1940) латгальцы так и не смогли получить возможности для развития своей языковой и культурной автономии, прежде всего из-за националистической политики К. Улманиса, не признававшего самобытность латгальского языка и культуры. Несмотря на все трансформации политической системы Латвии в середине — второй половине XX в., такое положение фактически сохранялось до повторного утверждения независимости Латвии в 1990 г.

Сложная и неоднозначная история формирования латгальской этнической группы является важным фактором, обуславливающим ее неопределенность в современном латвийском обществе. Она содержит факты и события, которые могут служить основой для кардинально различающихся интерпретаций положения и статуса латгальцев, их этнической идентичности и исторической памяти. Длительное существование на пересечении различных историко-

культурных традиций (русско-православной, польско-католической, немецко-протестантской, советской) позволяет определять латгальскую группу через исторические отсылки к древним племенам латгалов, формирование латгальского письменного языка и распространение католической религии и культуры в польский период, попытки создания этнополитической автономии, участие в формировании независимого латвийского государства (в том числе в качестве ядра латвийской нации), этнического меньшинства, в разное время притесняемого русским, немецким, советским или латышским большинством.

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЗАЦИЯ ЛАТГАЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЛАТВИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализ современного положения латгальской этнической группы показывает, что исторический потенциал конфликта интерпретаций в конструировании латгальской этнической группы в полной мере реализуется в современном латвийском обществе, становясь основой сложной картины этнополитических процессов и формирования этнической и национальной идентичности. Политический дискурс современной Латвии характеризуется противостоянием двух основных нарративов, принципиально по-разному трактующих положение и место латгальцев в латвийском обществе.

Официальный дискурс, разделяемый значительной частью латвийского политического истеблишмента и воплощенный в государственной национальной и языковой политике, исходит из представления о том, что латгальцы — это обычные латыши, а латгальский язык является не более чем вариантом латышского языка, даже не диалектом [Lazdina and Marten, 2012, p. 66]. В результатах последней переписи населения 2011 г. при описании этнического состава Латвии отсутствует какое-либо упоминание латгальцев, хотя приводятся данные о численности жителей, говорящих на латгальском языке (164 тыс. чел.). Закон о государственном языке определяет латгальский язык как исторический вариант письменного латышского языка [Valsts valodas likums, ст. 4]. Опорной точкой для конструирования исторического фундамента этого нарратива стал Латгальский конгресс 1917 г., обращение к которому во время празднования столетнего юбилея в 2017 г. стало важным элементом публичных попыток символической интеграции латгальцев в латвийское общество. В частности, премьер-министр Латвии М. Кучинскис в своем обращении подчеркнул значение Латгальского конгресса в формировании латвийской нации, позиционируя латгальскую идентичность как региональную и являющуюся составной частью латвийской национальной идентичности: «Латгалия присутствует везде в Латвии, точно так же как Латвия присутствует везде в Латгалии» [Ministru kabinets, 2017].

Второй, противоположный, нарратив был предложен рядом пролатгальских активистов и политиков в 1990-е гг. и в особенности в первом десятилетии XXI в. Он базируется на работах ряда этнолингвистов, обосновывающих, что латгальский язык является самостоятельным, который к тому же выполняет важные

социальные и культурные функции [Lazdina and Marten, 2012, p.82; Marten, 2012, p. 19]. В рамках этого нарратива латгальцы образуют самостоятельную этническую группу, имеющую собственную историю и культуру, ядро которой составляют латгальский язык и католическая традиция. Важно, что, согласно масштабному этнокультурному исследованию, проведенному в 2010 г., именно латгальский язык и католические культурные символы (прежде всего Аглонская базилика) лежат в основе этнической самоидентификации латгальцев [Lazdina and Marten, 2012, p. 71].

Исторической основой этого нарратива выступают, с одной стороны, истоки латгалоязычной католической культуры времен польского правления, а с другой — неудавшаяся борьба за языковую, культурную и политическую автономию начала XX в. Исключительное значение для этого нарратива имеет тот факт, что с 1934 г. (начало националистической диктатуры К. Улманиса) источником дискриминации латгальского языка и культуры стала именно политика латышских элит. Таким образом, этот нарратив основан на противопоставлении латгальского меньшинства именно латышскому большинству, а не другим этническим группам современной Латвии, например русским. Практическими следствиями его публичного продвижения стали требования придать латгальскому языку официальный статус, расширить возможности его использования в образовании и официальных коммуникациях, предоставить латгальцам большую политическую автономию.

Наличие конфликтующих интерпретаций латгальской этнической группы отражается в публичном политическом дискурсе и образует самостоятельную линию напряженности в латвийском обществе [Lazdina and Marten, 2012, p. 75; Marten, 2012, p. 24; Krauze, 2014, p. 42]. На это обращают внимание не только исследователи, но и структуры Совета Европы, которые фактически поддержали представление о латгальцах как самостоятельной этнической группе, имеющей собственные язык и культуру, хотя и не называя их этническим меньшинством [Council of Europe, 2018]. Высокая степень неопределенности в установлении латгальской группы характерна и для самих латгалоговорящих жителей Латвии. Согласно ряду исследований, среди них нет однозначного консенсуса относительно статуса латгальского языка и положения латгальской этнической группы, а стратегии самоидентификации могут существенно различаться с точки зрения позиционирования в отношении латышей [Lazdina and Marten, 2012, p. 72; Lazdina, 2019, p. 63].

Как было отмечено ранее, в объяснении этнополитических процессов в странах Балтии нередко используются элементы постколониальной теории, в логике которой национальная политика рассматривается через призму отношений новых государств с бывшей метрополией и русскоязычными меньшинствами, которые воспринимаются в качестве ее «агентов». Применение этой логики к менее очевидному случаю латгальской этнической группы может выглядеть следующим образом. Националистическая и ассимиляционистская государственная политика Латвии в отношении латгальцев является отражением и проекцией политики в отношении русскоязычного меньшинства. Нежелание расширять языковые и культурные права латгальцев

объясняется тем, что в этом случае неизбежным окажется расширение прав русскоязычного меньшинства, что, в свою очередь, создает угрозу для сохранения доминирующего положения латышского большинства. Напротив, нарратив «латгальцы — это обычные латыши» позволяет увеличить численность латышей и их долю в составе латышского общества, сохранив тем самым их доминирующие позиции.

В свою очередь, обращение к «латгальской проблеме» со стороны метрополии и русскоязычного меньшинства может рассматриваться как часть политического инструментария, используемого для укрепления их собственных позиций. В этой связи представляет особый интерес то, что в случае признания латгальцев самостоятельной этнической группой именно русскоязычное население окажется доминирующей этнической группой в Латгалии, тогда как латгальцы останутся региональным меньшинством. Тем самым главными бенефициарами поддержки культурной и региональной автономии латгальцев станет как раз русское меньшинство.

Признаки такой логики действительно могут быть обнаружены в политическом поведении и публичном дискурсе современного латвийского общества, у представителей как латышского большинства, так и русского меньшинства. Однако, на наш взгляд, объяснительные возможности такой логики ограничены прежде всего представлением о четко определенных этнических группах как политических, имеющих общие интересы. Более глубокий анализ факторов и механизмов конструирования латгальской идентичности позволяет понять, почему фактическая динамика этнополитических процессов не может сводиться к деятельности акторов политической мобилизации, а ни один из конфликтующих нарративов не является точным описанием этнополитической ситуации в современной Латвии.

Официальный нарратив, основанный на непризнании латгальцев в качестве самостоятельной этнической группы и автоматическом включении их в этническую группу латышей, независимо от мотивов и поведения националистических элит наталкивается не только на альтернативную интерпретацию, но также и на ряд фундаментальных факторов, действующих в латвийском обществе.

Во-первых, он противоречит самоидентификации значительного числа граждан как в Латвии, так и за ее пределами, в частности в России, где перепись населения содержит данные о латгальцах.

Во-вторых, он противоречит фактическим практикам, касающимся использования латгальского языка (имеющего собственный письменный стандарт). Хотя в Латгалии, по некоторым данным, до 62% населения владеют латгальским языком [Lazdina and Marten, 2012, p. 70], его использование ограничено бытовой и культурной сферами. Попытки использования латгальского языка в официальных коммуникациях и системе образования наталкиваются на жесткое институциональное сопротивление [Lazdina and Marten, 2012, p. 82; Marten, Šuplinska, Lazdiņa, 2009, p. 64].

В-третьих, латгальская этническая идентичность основана на сочетании нескольких дифференцирующих признаков, что усиливает ее воспринимаемое отличие как от русского меньшинства, так и от латышского большинства. Хотя

главным дифференцирующим признаком является использование латгальского языка, он в значительной степени сочетается с большей распространенностью католической религии (в отличие от православия у русских и лютеранства среди большей части латышей), наличием собственной бытовой, народной и высокой культуры и региональным фактором — традиционным проживанием в латгальском регионе.

В-четвертых, в современном латвийском обществе присутствуют четкие признаки того, что принято называть структурным замыканием — сочетанием границ этнических групп с неравенствами в распределении значимых ресурсов [Szauna, 2000, p. 329]. Хотя латгальцы, признаваясь в качестве «настоящих» латышей, не имеют, в отличие от русских и других меньшинств, каких-либо ограничений, связанных с гражданством или участием в политической жизни, объем их фактических возможностей и ресурсов в целом ниже, чем у латышей. Уровень социально-экономического развития Латгалии ниже, чем в других регионах Латвии, фактический статус латгальского языка ниже не только латышского, но и таких экзогенных языков, как английский и русский [Lazdina and Marten, 2012, p. 73], а в обществе существуют негативные стереотипы в отношении латгальцев, что признается даже официальными лицами [Ministru kabinets, 2017]. Выраженный факт структурного замыкания препятствует восприятию латгальцев в качестве «обычных латышей» как в обществе, так и самими латгальцами.

Вместе с тем противоположный нарратив, подчеркивающий уникальность латгальского языка и культуры и рассматривающий латгальцев в качестве самостоятельного этноса, также сталкивается с действием ряда фундаментальных факторов. Прежде всего число носителей латгальского языка сравнительно невелико (150–200 тыс. чел.), что ограничивает возможности его развития даже при благоприятных условиях. При этом латгальский используется преимущественно в семейном, бытовом контексте и предоставляет крайне ограниченные возможности для доступа к культурным и интеллектуальным ресурсам. Не менее важно и то, что на практике для латгальцев характерна диглоссия и они не испытывают больших практических проблем, связанных с необходимостью общаться на латышском языке. Латгалия никогда не существовала как самостоятельное национальное политическое образование латгальцев и всегда характеризовалась высоким национальным и культурным разнообразием. Это ограничивает возможности апелляции к прошлому для обоснования существования латгальцев как особой этнополитической группы. Наконец, тот факт, что латгальский язык де-факто и де-юре является низкостатусным, уменьшает мотивацию к его защите и развитию среди латгалоговорящих, а стратегии, направленные на обособление латгальской этнической группы, в практическом смысле не имеют очевидных преимуществ, учитывая относительно низкий уровень социально-экономического развития Латгалии и доминирование в регионе русскоязычного населения.

Следствием действия этих фундаментальных факторов становятся высокая степень неопределенности латгальской этнической идентичности и невозможность успешной политической мобилизации латгальцев со стороны как госу-

дарственных акторов, так и групп пролатгальских активистов или иных политических сил. Конфликт интерпретаций, присутствующих в публичном дискурсе латвийского общества и эксплуатирующих различные эпизоды латгальского прошлого, отражает противоположные интересы политических групп, однако лишь частично описывает реальность социальных и социально-психологических механизмов конструирования этнической идентичности. Поведение субъектов этнополитической мобилизации (государства, партий, групп активистов и др.) не следует автоматически принимать ни как репрезентацию интересов этнических групп (в логике примордиализма), ни как причину их формирования (в логике инструментализма). Неудачные попытки политической мобилизации «латгальской идеи» в первом десятилетии XXI в. [Lazdina and Marten, 2012, p. 82; Krauze, 2014, p. 43] и низкий уровень политической активности в латгальских районах показывают, что практические интересы и цели латгальцев не соответствуют нарративу «самостоятельного латгальского этноса» и его политической автономии. Одновременно, несмотря на то что государственная политика в отношении латгальцев сохраняет националистический характер, нет оснований полагать, что она оказалась сколько-нибудь эффективной и может де-факто привести к ассимиляции латгальцев.

Исследователи и политики, участвующие в формировании того или другого этнополитического нарратива, склонны недооценивать практические интересы и возможности индивидов, их способность к стратегическому поведению, а также изменение социально-политического контекста, связанного с процессами европейской интеграции стран Балтии. Особенно большое значение имеют символические и практические аспекты евроинтеграции, которая задает более широкий контекст самоидентификации, снижая значимость межэтнических противоречий внутри латвийского общества и способствуя формированию не только европейской, но и национальной гражданской идентичности. Подтверждением этой тенденции могут служить данные мониторинговых исследований «Евробарометр», согласно которым доля латвийцев, испытывающих чувство принадлежности к ЕС, выросла с 44 % в 2006 г. до 73 % в 2019 г. [Eurobarometer Interactive, 2020]. При этом идентификация как с ЕС, так и с государством в Латвии выше, чем в других странах Балтии и большинстве стран Евросоюза в целом.

Процессы европейской интеграции, задавая новый контекст самоидентификации и выстраивания личных стратегий, способствуют смягчению оппозиции «латышское большинство — русское меньшинство» как базовой модели этнических отношений в Латвии, которая структурирует восприятие в том числе и латгальской проблемы. Если фундаментальные факторы, связанные с механизмами конструирования латгальской идентичности, делают неосуществимыми ее полярные политические интерпретации, то евроинтеграционные процессы снижают чувствительность латвийского общества к конфликту интерпретаций и восприятию межэтнических отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фундаментальная неопределенность латгальской этнической идентичности и наличие в публичном дискурсе двух противоположных интерпретаций, поразному конструирующих историческую память и современный статус латгальцев и латгальского языка, демонстрируют ограниченность объяснительных возможностей традиционных подходов к описанию этнополитических процессов на постсоветском пространстве. Логика постколониальной теории, объясняя поведение политических элит, представляющих, с одной стороны, доминирующее этническое большинство, а с другой — русскоязычное меньшинство, склонна игнорировать сложные процессы социального конструирования этнических групп, ярко проявляющиеся в случае латгальцев. Она также склонна недооценивать прагматику социального взаимодействия и вариативность индивидуальных стратегий идентификации.

Неопределенность латгальской идентичности, которая зачастую воспринимается как следствие конфликта интерпретаций, продвигаемых различными политическими силами, имеет более фундаментальную природу, коренящуюся в социальных и социально-психологических механизмах конструирования социальной идентичности. Однако эту неопределенность не следует воспринимать как практическую проблему. Напротив, именно она потенциально может способствовать гармонизации межэтнических отношений в Латвии, содействуя формированию в обществе представления о множественной, контекстуальной и динамичной этнической идентичности, смягчающей остроту локальных линий напряженности. Этот потенциал в значительной мере может усиливаться в случае успеха процесса интеграции Латвии в европейское экономическое, культурное и политическое пространство.

Литература / References

Brubaker R. *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, 202 p.

Council of Europe. 3rd Opinion on Latvia. Advisory committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities. 23.02.2018. Available at: <https://rm.coe.int/revised-version-of-the-english-language-version-of-the-opinion/1680901e79> (accessed: 08.07.2020).

Duina F., Miani C. Fitting in the Baltics: national identity, minorities and compliance with EU accession requirements in Lithuania and Latvia. *Comparative European Politics*, 2015, vol. 13.5, pp. 535–552.

Eurobarometer Interactive. Public Opinion. 2020. Available at: <https://ec.europa.eu/comfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/index> (accessed: 08.07.2020).

Hanovs D. Can postcolonial theory help explain Latvian politics of integration? Reflections on contemporary Latvia as a postcolonial society. *Journal of Baltic Studies*, 2016, vol. 47.1, pp. 133–153.

Jones S. *Constructing identities in the past and present*. London and New York, Routledge, 1997. 185 p.

Krauze M. Latvian nationalism and the construction of 'Latgalian identity'. *Journal of the Anthropological Society of Oxford Online*, 2014, no. 1, pp. 35–60.

Lazdina S. Latgalian in Latvia: layperson regards to status and process of revitalization. In: *Multilingualism in the Baltic States: Societal Discourses and Contact Phenomena*, eds S. Lazdina and H. F. Marten. London, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 59–88.

Lazdina S., Marten H. F. Latgalian in Latvia: A continuous struggle for political recognition. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2012, vol. 11, pp. 66–87.

Marten H. F. 'Latgalian is not a language': linguistic landscapes in Eastern Latvia and how they reflect centralist attitudes. In *Minority Languages in the Linguistic Landscape*, eds D. Gorter, H. F. Marten, L. Van Mensel. New York, Palgrave Macmillan, 2012, pp. 19–35.

Marten H. F., Šuplinska I., Lazdiņa S. *Latgalian: The Latgalian language and education in Latvia*. Ljouwert, Mercator European Research Center on Multilingualism and Language Learning, 2009, 64 p.

Ministru kabinets. Ministru prezidenta uzruna Latgales simtgades kongresā 2017.gada 5.maijā. 05.05.2017. Available at: <https://www.mk.gov.lv/lv/content/ministru-prezidenta-uzruna-latgales-simtgades-kongresa-2017gada-5maiija> (accessed: 08.07.2020).

Plakans A. *A Concise History of the Baltic States*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, 474 p.

Sharov K. S. Constructivist Paradigm in Studying Nationalism and National Problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofija*, 2006, no. 1, pp. 59–72. (In Russian)

Szayna T. S. *Identifying Potential Ethnic Conflict: Application of a Process Model*. Santa Monica, RAND, 2000, 329 p.

Valsts valodas likums. Latvijas Vēstnesis, 428/433. 21.12.1999. Available at: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/14740-valsts-valodas-likums> (accessed: 08.07.2020).

Yang P. Q. *Ethnic Studies: Issues and Approaches*. New York, State University of New York Press, 2000, 312 p.

Вайшля Станислав — аспирант; st065752@student.spbu.ru

Статья поступила в редакцию: 14 июля 2020 г.;

рекомендована в печать: 21 августа 2020 г.

Для цитирования: Вайшля С. Конфликт интерпретаций латгальской этнополитической идентичности в современном латвийском обществе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 3. С. 329–339. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.302>

CONFLICT OF INTERPRETATIONS OF LATGALIAN ETHNO-POLITICAL IDENTITY IN MODERN LATVIAN SOCIETY

Stanislavs Vaisla

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
st065752@student.spbu.ru

Latgalians are an ethnic group located in Latvia characterized could be characterized by an extremely undefined status. In the public discourse there are two narratives, that are opposite in meaning, constructing which form the ethnopolitical status of the people of Latagle and their historical memory. The first reflects the official position of the Latvian state, and is based on the non-recognition of Latgalians as an independent ethnic group. Also, interoperating the Latgalian language is viewed as a variant of the Latvian language and there is historical reference to the 1917 Latgale Congress that united Latvia. The opposite narrative affirms asserts the historical and cultural autonomy of the Latgalian people and the independence of the Latgalian language, based on the history of the struggle for the political autonomy of Latgale and the historical memory of discrimination by the Latvian majority as well. The article analyzes the fundamental factors contributing to irreparable the unavoidable uncertainty of in the construction of Latgalian identity and the impracticability of both political narratives. The limited and insufficient logic of postcolonial theory, which is regularly used to characterize ethnopolitical processes in the post-Soviet space and, in particular, in Latvia is shown in the article. It is concluded that the fundamental uncertainty factors of Latgalian identity, intensified by the action could be reinforced by the action of European

integration processes, impede the possibility of political mobilization based on both nationalist state policy and the idea of Latgalian ethno-political autonomy.

Keywords: Latgalian, Latgalian language, Latvia, ethno-politics, politics of identity, historical memory, postcolonial theory.

Received: July 14, 2020

Accepted: August 21, 2020

For citation: Vaisla S. Conflict of interpretations of Latgalian ethno-political identity in modern Latvian society. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 329–339.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.302> (In Russian)